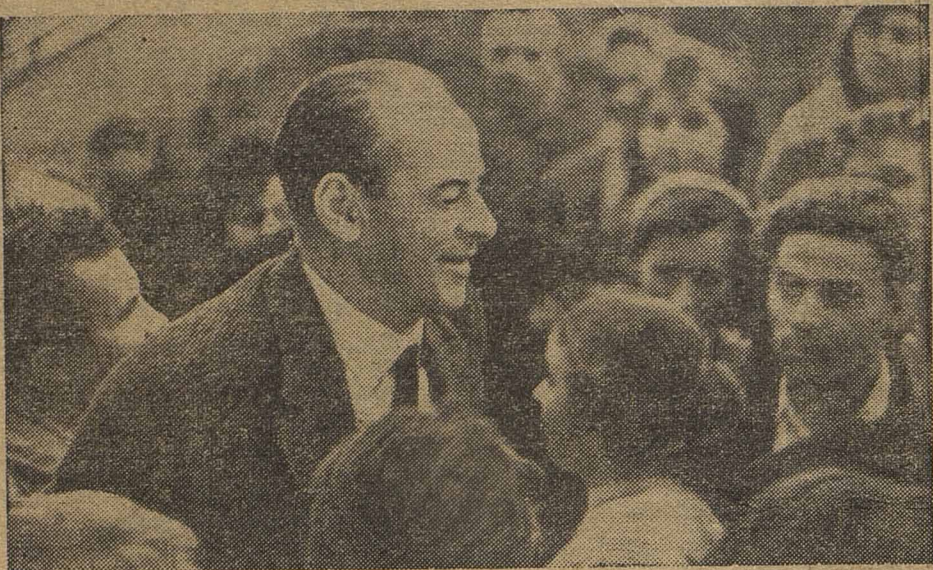

Этот снимок сделан на днях во Дворце культуры Московского автозавода имени И. Лихачева, куда Н. К. ЧЕРКАСОВ приезжал на просмотр и обсуждение фильма «Все остается людям», в котором он играет главную роль — академика Дронова. Фото В. ШАГОВА

Николай ЧЕРКАСОВ,
народный артист СССР

ЛЮБОВЬ, ТРЕВОГА, РАДОСТЬ

ПОКОЛЕНИЯ сменяются незаметно. Со времени революции подросло уже третье. Я принадлежу к первому. Для меня исторический выстрел «Авроры» является не только символом начала новой эры, но и непосредственно взволновавшим, запомнившимся мне событием. Я слышал его в революционном Петрограде, этот выстрел, и я счастлив, что принадлежу к поколению людей, которые начали свою сознательную жизнь в Советской России.

С тех пор прошло 46 лет — срок немалый для одной жизни и совсем небольшой для жизни государства. И так уж повелось, что к годовщинам Октября мы оглядываемся назад, оценивая пройденное и черпая оттуда силы и умение для следующего шага в коммунистическое будущее. Так поступают люди, занятые полезным трудом во всех областях общественной и производственной жизни. Так поступаем и мы — люди искусства.

С тех пор как помню себя актером, трудно объяснить волнение испытываю я каждый раз, когда происходит очередная моя встреча с неведомым мне, новым для меня героем.

Режиссер по-деловому, без всякой торжественности вручает тетрадку с предназначенной для меня ролью, а мне кажется, должно быть, по актерской неискоренимой привычке пофантазировать, что одушевленный, живой человек, которого я никогда не видел в лицо, оказывает мне неза заслуженное, волнующее доверие и отдает себя самого, свои думы и надежды — весь свой душевный мир в мою власть.

Сколько таких встреч было за мою жизнь — не сочтешь. И сегодня, как и в первый раз, я с трепетом беру в руки аккуратно сшитые листы и снова, как в первый раз, во мне возникает такое чувство, словно я шумным и беззащитным гостем вторгаюсь в незнакомую жизнь, в незнакомую душу.

Привыкнуть к этому нельзя. Мне думается, что актер никогда не перестанет удивляться этому чуду перевоплощения, испытывать от этого одновременно радость и тревогу.

Радость — потому что узнавание новых людей, проникновение в жизнь и постижение ее законов приносят художнику настоящее счастье.

Тревогу — потому что это совсем не так просто и далеко не всегда получается. Здесь мало одной любознательности — необходимы еще мастерство, опыт общения с людьми, способность сблизиться с ними, и — что на мой взгляд самое важное — необходимо зрелое мировоззрение.

ТЕТРАДКА с ролью получена, и хочется сразу увидеть, простецы в ней не только то, что написано, но и то, что прячется между строк и составляет важную, определяющую сторону характера. Нет. Это не лежит на поверхности. Это не борода, не характерный жест, не хриплый голос. Это что-то большее, внутреннее, глубокое. Если это поймешь — работает легко и радостно, если нет — можно сказать наверняка: роль не вышла.

Великое множество раз я сам переживал подобное. Естественно, чем больше я узнавал жизнь, чем больший интерес проявлял ко всему, что происходит вокруг, тем быстрее и легче находил я и те индивидуальные черты характера, и ту живую сущность образа, без которой нет и не может быть на сцене настоящего человека. Но знание жизни — это ведь не отвлеченное и раз навсегда определенное качество художника. Невозмож-

но знать жизнь, не обладая сложившимся и зрелым мировоззрением.

Мировоззрение — вот та единственная основа, на которой могут развиваться наблюдательность актера, его интерес к людям, его способность проникать в существо характера. Именно мировоззрение властно руководит и восприятием жизни, и памятью художника, и его воображением. И вместе с тем зрелость мировоззрения актера оказывается обязательной и необходимой предпосылкой творческой свободы актера.

Еще бывают, к сожалению, опасные заблуждения: иным творцам кажется, что в трудном случае их выручит некое «чувство правды», что актерский «инстинкт» способен предохранить от идейной ошибки. Чепуха! Жизнь учит иному. Она не перестает напоминать о том, что разбираться в любом явлении или в любом характере и тем более воплотить его в художественном образе можно только будучи гражданственно мыслящим художником, страстным и непримиримым борцом за дело народное. Иными словами — невозможно знать жизнь, активно в ней не участвуя, взирая на нее с холодным любопытством наблюдателя. Нельзя увидеть в человеке то, что в нем действительно важно, и то, что в полной мере способно его охарактеризовать, не оценив до конца места, занимаемого этим человеком в действительности, в ряду современников.

Моя первая большая работа в жизни — профессор Полежаев из «Депутата Балтики». Мне поручили ее отнюдь не сразу. То, что я делал до того в театре, не давало мне никаких оснований рассчитывать на нее. И тем не менее, после того как я прочел сценарий, мне стало ясно, что это роль моя, что именно я должен в ней сниматься. С этой ролью в мою жизнь ворвалось то, что потом я старался сохранить навсегда. Это неразделимость внешней характеристики человека и его сущности.

Работа над Полежаевым доказала мне, что без проникновения в главную идею образа немыслимо никакое перевоплощение. Новизна и своеобразие внешнего облика могут быть достигнуты только в том случае, если они служат проявлением новизны и своеобразия духовной сущности человека.

Мысль эта кажется очень простой и чересчур ясной, чтобы ее повторять, но это не мешает нам, актерам, да и не только актерам, иной раз забывать о ней. Когда я говорю «не только актерам», я имею в виду в первую очередь писателей, драматургов и сценаристов, которые дают нам, исполнителям, пищу для творчества.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ реализм ждет новых гениев драмы. Сегодня мало что можно поместить в витрине с надписью «классика».

А искусство не может ждать. Зрителю нужен хлеб искусства ежедневно, и ему нет дела до того, что в писательских ка-

бинетах еще вынашивают то настоящее, что станет знаменем эпохи. Вот и приходится актеру и режиссеру делать необычную для него работу, домысливать, дописывать, совершенствовать незавершенное автором. Иногда это получается, иногда нет. Хорошо, когда есть талантливая основа, которая волнует, задевает за живое. Тогда работа становится общей, и автор охотно идет на наши предложения. Так было, когда, пройдя творческую лабораторию коллегиального труда, сценарий Рахманова превратился в великолепную неумирающую пьесу «Беспокойная старость».

Так было и совсем недавно, во время работы над пьесой С. Алешина «Все остается людям», с которой произошло обратное: после трехлетней сценической жизни она превратилась в кинофильм. В театре и в фильме я играю роль академика Дронова. И не случайно я называю ее сразу вслед за депутатом Балтики. От Полежаева к Дронову шла моя актерская биография. И статья эта — плод размышлений и выводов, сложившихся на этом пути.

Мы трудимся, мы ищем все вместе то настоящее, главное, без чего не жить сценическому искусству сегодня. Так пусть

его обращений, весь его характер. Я в полной уверенности, что вы очень хорошо его знали...

Я спросил, какая из сцен спектакля понравилась ему больше всего. Он назвал монолог Мичурина о народе, о будущем страны, о счастье человека, которому он посвятил свою жизнь.

В этой сцене не было и не могло быть так называемых характерных мичуринских интонаций и жестов. В ней с наибольшей полнотой раскрывалась сама сущность Мичурина, его жизненные убеждения, его жизненная цель. От этой внутренней верности и шла вера во внешние особенности, в подлинность образа.

Я это рассказал, разумеется, не для того, чтобы похвастаться, как здорово Черкасов сыграл Мичурина. Речь об ином. Я снова убедился, что, только постигнув во всей полноте содержание образа, можно достоверно воссоздать все остальное — всегда подчиненное, всегда вторичное в творческом процессе.

ЧАСТО, очень часто вспоминаются мне слова обиды и горького упрека, как-то оброненные Чеховым: «Актеры никогда не наблюдают обыкновенных людей...» Я думаю, что Антон

же вглубь, а не только вширь идут эти поиски, пусть духовное богатство человека из пьесы и сценария соответствует человеку жизни. Тогда придет успех. Не бенгальский огонь, который вспыхивает так же быстро, как и гаснет, а прочный, настоящий успех.

Мне довелось встречаться с великими нашими актерами, с корифеями МХАТа — Москвиным, Качаловым, Хмелевым, сниматься вместе с Щукиным, и я видел, что, блистательно перевоплощаясь, играя роли, совершенно не похожие одна на другую, и ошеломляя зрителей своей неистощимой наблюдательностью, они показывали нам каждый раз не только новые человеческие обличья, но и новые человеческие души. Своей славой они были обязаны умению учиться у жизни, учиться с жадным беспокойством, увлечением и страстью.

НА МОЮ долю пришлось трудная, но счастливая актерская задача — воплотить на сцене и на экране ряд исторических характеров, людей научного, творческого и общественного подвига, доблестно и беззаветно служивших народу, — Горький, Мичурин, Попов, Стасов...

На протяжении жизни мне пришлось быть Александром Невским и Иваном Грозным, Петром I и царевичем Алексеем, даже президентом Рузвельтом. Однако я был бы несправедлив к себе, если бы назвал себя актером «исторических ролей». Какой бы из этих образов я ни воплощал, мне всегда хотелось представить его живым и именно таким, каким он должен был существовать в сознании моих современников.

Удавалось ли это? Далеко не всегда. И когда пропадала такая современность видения, тогда я терпел крушение творческое.

Я отлично знаю, что, будучи верно загримирован под Горького, воспроизводя характерную горьковскую речь, ее своеобразную мелодику и ритм, я далеко не сразу и не в полной мере передаю со сцены и в кино живые черты Алексея Максимовича. Отдельные правильные частности почему-то не желали составлять столь же правильного целого. А дело-то было в очень простой ошибке. Я стремился к изысканной точности и в силу ее оказался нерасчетливым копировщиком и только.

Спустя много лет играл я Мичурина в пьесе Довженко «Жизнь в цвету». Явился ко мне однажды после спектакля незнакомый человек и назвался одним из учеников Ивана Владимировича. Спросил, где именно и при каких обстоятельствах я встречался с Мичуриным. Я растерянно ответил, что, к сожалению, не имел случая видеть его лично и именно этим, должно быть, определяются неточности и пробелы сценического изображения.

Нет-нет, — сразу же отозвался мой гость. — Этого быть не может. Я глядел на вас, и меня больше всего поразила точность, с которой вы воспроизводите некоторые характерные жесты Ивана Владимировича, резкий, неуступчивый тон

Павлович был не вполне справедлив к ряду актеров — своих современников. Что же касается нас, советских актеров, то мы можем сказать по праву и с гордостью, что сами являемся теми «обыкновенными людьми», о которых так говорил Чехов. Мы должны так же активно участвовать в жизни нашей страны, как рабочие, инженеры, ученые, врачи, как все те, из кого состоит советское общество.

Я вижу, как сегодня сформировались те новые поколения актеров, для которых работа в искусстве есть форма наиболее активного участия в общественной жизни, участия в объединенных усилиях народа, строящего новый мир. «Экскурсии» в жизнь нам не нужны, потому что жизнь во всем своем трудовом многообразии входит в круг наших неотъемлемых интересов, потому что за ее пределами нет и не может быть ни искусства, ни радости, ни успеха.

Я могу не разбираться в профессии каждого из моих современников, но я обязан отчетливо представлять себе его внутреннюю жизнь. Именно это я хочу раскрыть в создаваемых мною образах и выношу свои создания на суд зрителей в полной уверенности, что в чем-то очень важном и основном мой и их взгляд на людей, мои и их требования к людям совпадут. Творец и зритель связаны в советском искусстве взаимным и нерушимым доверием, великой советской общностью.

МНЕ ВЫПАЛА честь присутствовать на июньском Пленуме ЦК КПСС по идеологическим вопросам и на встрече руководителей партии и правительства с деятелями культуры. Потом я много раз рассказывал об этом в самых разных аудиториях, и всегда я говорил, мысленно обращаясь не только к сидящим в зале, но и ко всем своим товарищам актерам, своим собратьям по искусству. Я говорил о творческой ответственности, которая ложится на наши плечи, о потребности сделать все, что в твоих силах, чтобы великая правда нашей борьбы и побед получила возможно более полное и сильное образное воплощение. Я говорил о богатстве духовного облика нашего современника и нашем долге перед ним...

Сегодня, в годовщину Октября, я обобщаю назад и вижу широкий победный путь, которым мы шли эти 46 лет. Бесконечна эта дорога, и уверенно идут по ней люди нашей могучей державы.

И хочется мне снова сейчас обратиться к ним со словами, которые когда-то говорил мой Полежаев:

«Господа! Господа!.. Я не оговорился — нет... Я говорю вам, «господа», — рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам... Вы — хозяева и подлинники господа на шестой части мира...»

А дальше уже не по роли, а от себя: приветствую вас от лица советского искусства, обязанного думать о вашем настоящем и вашем будущем счастье!..

ЛЕНИНГРАД